

## ОТНОШЕНИЯ КНР И США НА РУБЕЖЕ ОБАМА – ТРАМП: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2017 г.

**С.М. Труш\***

*Статья поступила в редакцию 27.11.2016.*

*Смена американской администрации, которая уже произошла, и перспективное обновление руководящей команды КНР вокруг Си Цзиньпина, в рамках планируемого осенью 2017 года XIX съезда КПК – этапный водораздел при анализе китайско-американских отношений. На таком "рубеже ротации" целесообразно проанализировать проблемы, тенденции и события, которые материализовались или намечались при данном кадровом составе высшего руководства двух стран. Реализация предвыборных обещаний Д. Трампа способна вызвать системный кризис в китайско-американских отношениях, серьёзно сказаться на состоянии экономики США. Возможно обострение двусторонних отношений в тайваньском вопросе в связи с действиями всех трёх участников взаимодействия, но прежде всего Вашингтона. "Поворот России на Восток" и укрепление связей с КНР были восприняты в США без чрезмерного драматизма.*

**Ключевые слова:** *отношения КНР–США; поворот России на Восток; проблема Тайваня; конфликт в Южно-Китайском море; урегулирование на Корейском полуострове.*

Динамика двусторонних связей, проявившаяся за последние четыре года, была разнонаправленной. В ней трудно вычленить и определить какую-либо общую равнодействующую, трудно понять, развиваются связи поступательно, "кооперационно", или генеральная тенденция проявляется в виде нарастания конфликтности, возникновения новых очагов непонимания и трений. Фокусируясь в данной статье на политических и военно-политических аспектах двусторонних отношений, оставляя за скобками экономику, представляется целесообразным сгруппировать этот обзор тематически, сообразно ключевым, наиболее значимым вопросам и конфликтным зонам китайско-американских отношений. В каждом из представленных сюжетов взаимодействие между США и КНР, хотя и имеет некоторую общую мотивированность и заданность, вместе с тем, развивается с большой долей "ситуативной" специфики. Взятые воедино эти сюжеты формируют мозаичную, но достаточно представительную картину отношений Китая и США.

---

\* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3 (zebra758@gmail.com).

## **Внутренняя динамика в США и предвыборная кампания 2016 г.: следствия для китайско-американских отношений**

Во внутренней динамике США за последние годы накапливались факторы, способные не только видоизменить политическую жизнь страны изнутри, но и серьёзно повлиять на её внешнюю стратегию. В числе этих факторов – обострение этнорасовых, цивилизационных и религиозных напряжений в обществе, социальное, экономическое, ценностное расслоение среднего класса, острый протест и неприятие социумом старых "правил игры" и каналов взаимодействия между социумом и государственным истеблишментом, столь, ярко проявившееся в победе Д. Трампа в президентской кампании 2016 года. По итогам последних лет стоит также говорить об эрозии или по крайней мере кризисе двухпартийности в политическом механизме США, наиболее остро проявившемся в громком сбое бюджетного процесса в период администрации Обамы, оживлении левоцентристской идеологии, росте бытовой преступности и террористических проявлений, на фоне неспособности государства купировать нарастающую социальную конфликтность.

Если говорить о внутриполитических тенденциях в США, имеющих прямой выход на внешнеполитическую сферу, то к ним в первую очередь следует отнести сложную судьбу президентства Б. Обамы, проявившуюся прежде всего в неприятии его левоцентристских ценностей и инициатив консервативным политическим истеблишментом страны. Противостояние Б. Обамы с Конгрессом по вопросам медицинского страхования, налоговой политики, государственного долга, торговых и финансовых дефицитов, финансирования военных программ оказало непосредственное воздействие на связи с Китаем.

Бюджетный кризис 2013 г. (так называемый *shutdown* – “выключение” правительства) особенно негативно сказался на имидже Америки в Китае. Это сильно подорвало восприятие Америки как надёжного и сильного глобального игрока на международной арене. “Негативные последствия функционирования демократических институтов”, наиболее ярко проявившиеся во время второго срока администрации Обамы, были особенно чувствительны для восприятия китайским политическим классом. В традиционной политической культуре этого класса особое значение всегда придавалось факторам силы, управляемости, предсказуемости политических партнёров.

Прошлый опыт показывает, что коммунистические и псевдокоммунистические режимы наиболее успешно взаимодействуют и находят компромисс с республиканскими администрациями США. Восприятие “слабого” Б. Обамы во внешней политике во многом способствовало нарастанию уверенности и настойчивости со стороны Китая в двусторонних отношениях, хотя такая позиция не в последнюю очередь мотивировалась и изнутри КНР. Красноречивым проявлением этой жёсткости стало поведение Китая на экологическом форуме в Копенгагене в 2010 г. и особенно его бескомпромиссная линия в морских территориальных конфликтах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей.

Победа Д. Трампа в президентской кампании 2016 г. стала для Пекина, как и многих других столиц мира неожиданностью. Его инвективы в адрес КНР,

хотя и были крайне напористыми и эмоциональными, в сущности не были оригинальными. Приблизительно те же претензии и обвинения присутствовали в риторике двух предыдущих республиканских претендентов на Белый дом, в частности Дж. Маккейна и М. Ромни. Разница была в антиглобалистской направленности критики КНР в речах Д. Трампа, антиглобализм которого был на порядки мощнее и рельефнее, чем в антикитайской риторике его предшественников. Критика Китая по вопросам торговой политики, валютного курса, кражи технологий и в вопросах кибербезопасности по существу была адресована Белому дому, обвиняемому в "преступной" либерализации доступа товаров и капиталов на американский рынок, в удушении национального бизнеса.

Если Трамп стал неожиданным (для многих) победителем кампании 2016 г., то ещё большей неожиданностью, скорее всего, станут его первые шаги во внутренней и внешней политике. Предвыборные заявления республиканского кандидата были противоречивы и непоследовательны, он очень часто существенно модифицировал, сглаживал, а то и прямо отходил от своих прежних позиций. В результате избирателю был "продан" Трамп не как государственный деятель, с определённой совокупностью политических установок, ценностей и убеждений, а скорее Трамп как "антисистемный игрок", "реформатор" и устроитель "новых правил игры". Это, с одной стороны, создаёт для него серьёзный карт-бланш, свободу рук, в том числе и в вопросах внешней политики, что очевидно может стать его плюсом как нового президента. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов, что в американском обществе имеет место глубокий ценностный и социальный раскол. Половина электората США голосовала за взгляды существенно отличающиеся от внешнеполитических установок Трампа, в частности по вопросам глобализации, сохранения традиционных союзнических связей США с НАТО, Японией, по вопросам отношений с Китаем, соотношению военных и дипломатических рычагов в американской внешней стратегии. Вследствие этого президенту Трампу будет крайне сложно даже в модифицированном виде осуществить те радикальные шаги, на которых он заработал себе предвыборный капитал и "въехал" в Белый дом.

Для Д. Трампа как нового президента главной проблемой политического выживания будет проблема консолидации страны, заключения компромисса с той частью политического истеблишмента, которая пока не принимает и не согласна с ним, отторгает его как лидера нации. Ему придётся идти на существенную модификацию своих предвыборных позиций по критике глобализации, возвращению рабочих мест в США ( в том числе и за счёт повышенных, 45%-ных тарифов на китайские товары), в вопросах эмиграции и т.д. Эти ключевые вопросы представляют для него "красную зону компромисса", на который неизбежно придётся пойти, чтобы сохранить дееспособную власть в Белом доме. Вопросы внешней политики, весьма вероятно, существенно снизятся в его рейтинге приоритетов. Спустить на тормозах многое из своей внешнеполитической риторики, отказаться от наиболее чувствительных её элементов для Трампа будет гораздо менее болезненно, чем "отыграть назад" в более принципиальных внутривнутриполитических и внутриэкономических вопросах.

Отношения с Китаем системно, геоэкономически и стратегически более приоритетны для США, чем отношения с Россией. Взаимозависимость экономик двух стран, объём торговли, финансовая связка, значительная часть госдолга США в руках КНР – это те факторы, которые нельзя изменить в одночасье, без существенного надрыва и потрясений в американской и мировой экономике. Причём даже в случае такого гипотетического "разрыва", это в меньшей степени скажется на самом экспортоориентированном Китае, с учётом европейских, азиатских и иных альтернативных рынков для китайских товаров и инвестиций. США в лице многомиллионных масс американских потребителей, с одной стороны, но главное в лице наиболее продвинутых, глобализированных, инновационных корпораций – с другой, существенно выигрывают от взаимозависимости и широкого экономического сотрудничества с КНР. Кардинальный разрыв такого рода взаимозависимости может быть губительным и даже суицидальным прежде всего для самой американской экономики. К тому же, поскольку глобализированные производственные цепочки не отменить декретом президента США, результатами вытеснения Китая с американских рынков, в первую очередь воспользуются не американский бизнес и американская рабочая сила, а бизнес некитайской части Азии – Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Индия и другие страны.

Разрыв с Китаем вызовет и серьёзное перенапряжение во внешней политике США. Американцы в дополнение к Ближнему Востоку, Ирану, России получают мощнейшего, и вполне самодостаточного нового "врага" в лице КНР. В условиях нарастающей мультицентричности это было бы губительно для американского будущего.

## **Внутренний контекст КНР и китайско-американские отношения**

Си Цзиньпин пришёл к власти на волне весьма острого внутривластного и внутриэлитного кризиса в КНР, связанного с делом Бо Силая [Труш С.М., 2013]. Как стало ясно из разных, независимых друг от друга источников, острота этого кризиса была недооценена внешними наблюдателями. По мнению ряда экспертов, существовала вероятность того, что при неблагоприятном раскладе сил внутри верхушки КПК Си Цзиньпин не занял бы высший пост в партии и стране<sup>1</sup>. Во многом результатом этих событий стала нетрадиционная для китайской верхушки резкость, отсутствие иерархической постепенности, с которой Си Цзиньпин получил всю полноту реальной аппаратной власти и влияния.

С ключевых постов были удалены ставленники и протеже противоборствующего политического клана Цзян Цзэминя, а ключевой политический соперник Си Цзиньпина – Чжоу Юнкан, ранее курировавший спецслужбы КНР,

---

<sup>1</sup> Америка и Китай после президентских выборов в США: что дальше? Event transcript. Д. Паал, Д. Тренин, А. Габуев. Стенограмма конференции. 19.09.2016. Московский центр Карнеги. [The United States and China after Presidential Election in the USA: What's Next? Douglas Paal, Dmitry Trenin, Alexander Gabuev. Event transcript. 19.09.2016]. Available at: <http://carnegie.ru/2016/09/19/ru-event-5383> (accessed 22.09.2016).

был отправлен за решётку. Прямым следствием нарастания конфликта внутри элиты, стала широкомасштабная антикоррупционная кампания, а по сути клановая политическая чистка, которая по своим отдельным методам напоминает времена культурной революции в КНР. За четыре года нахождения у руля Си Цзиньпин по сравнению с предыдущими лидерами КПК Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао, выстроил ощутимо более мощный механизм личной власти, который некоторые наблюдатели внутри и вне страны уже характеризуют как культ личности.

Второй важной характеристикой внутренней ситуации в КНР на протяжении четырёх лет при руководстве Си Цзиньпина стало дальнейшее реформирование экономической модели. В конце 2013 г. это реформирование вступило в новую фазу. Попытки осуществить масштабные преобразования в экономической модели КНР начались ещё при предшествующем китайском "кабинете" Ху Цзиньтао (2002–2012). Меры его кабинета были ориентированы на уход от экспортоориентированной, капиталоемкой и ресурсоемкой модели экономики в сторону стимулирования роста на базе внутреннего потребления и на развитие собственных наукоемких, инновационных отраслей и технологий. Эти попытки были по сути свёрнуты, натолкнувшись на противодействие консервативных сил внутри экономической бюрократии КНР и в первую очередь на неприятие этих мер крупными госкорпорациями Китая. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. окончательно похоронил эту волну реформирования.

На 3-м пленуме ЦК КПК в октябре 2013 г. новый лидер страны озвучил ряд конкретных шагов в экономике с упором на обозначенные ранее приоритеты. Си Цзиньпин особо подчеркнул, что от реализации поставленных пленумом целей в конечном счёте, зависит поддержание нужных темпов роста КНР и выживаемость КПК как правящей партии.

Меры, одобренные пленумом с большей адресностью и конкретикой чем ранее, направлены на развитие внутреннего потребления, повышение эффективности капиталовложений, расширение сферы действия рыночных механизмов, повышение уровня жизни населения. Пленум одобрил программу из 60 пунктов, суммирующую более 300 конкретных мер и нововведений, включая существенные изменения в налоговой системе, меры по либерализации внутреннего финансового рынка КНР, снятию ограничений на импорт, и расширению сфер для иностранного инвестирования. Тем не менее, осуществление поставленных задач было сильно затруднено в условиях замедления экономического роста в КНР, который в 2014–2015 гг. был самым низким за последние 24 года, в условиях растущей безработицы и усиливающейся волатильности рынка.

Данный внутривластный и внутриэкономический контекст воздействует на внешнюю политику КНР и китайско-американские отношения непрямо, опосредовано.

В обстановке кадровой чистки, когда критерии "криминальности" чиновников размыты и "эластично" сформулированы, зачистка коррупционеров часто выливается в форму клановой, внутривластной борьбы. "Вычищаются" не замазанные взятками, а либо чуждые идеологически, либо связанные не "с теми" политическими патронами кадры. В условиях современного китайского

политического механизма и политической культуры клановость и nepoтизм сохраняют заметную политическую роль.

Нервозность, нестабильность и идеологическая тревожность, существующие в партийно-политическом аппарате КНР, выливаются и на внешнеполитическую сферу. Одно из прямых следствий этого – растущая идеологическая зашоренность, снижение деидеологизированного, адекватного восприятия внешнеполитической реальности в целом и поведения ключевых контрагентов в частности. К ним в первую очередь относятся США. Поскольку основной водораздел в политических предпочтениях правящего класса КНР проходит между "либералами" – сторонниками рыночных ценностей, политической модернизации и разделения властей и "государственниками" – приверженцами "левоцентристской" идеологии, госрегулирования и патерналистской роли государства – это размежевание проецируется и на США. Данная проекция не может не затрагивать такие ключевые вопросы оценки США, как трактовка жизнеспособности, выживаемости американской социально-политической модели и модели развития, оценки мотивов американской внешней политики, конкретных действий США в адрес КНР. Нельзя сказать однозначно, что развёрнутая в КНР кадровая чистка прямо усиливает "государственническое" крыло. Но то, что в условиях чистки, особенно в военных, да и дипломатических кругах КНР, общая политическая атмосфера играет на руку антиамериканским, воинственным и националистическим настроениям, было бы, наверное, справедливо.

В равной степени к антиамериканизму подталкивает и обозначенная выше экономическая реальность страны. Торможение и неуспех прорывных начинаний пленума 2013 г., отсутствие полновесного среднего класса как основы внутреннего потребления, стагнация экономической ниши КНР как "сборочной площадки" техноёмких импортных комплектующих, трудности складывания собственных инновационных производств, с одной стороны, закрепляют за США статус ключевого рынка и донора технологий. С другой стороны, обозначившиеся проблемы в китайской экономике и торможение в ходе реформ косвенно оттеняют роль США как важного и пока ещё доминирующего экономического конкурента, которого необходимо блокировать на внутреннем рынке. Яркая иллюстрация этого – медленный прогресс в заключении всеобъемлющего инвестиционного соглашения между КНР и США (*Bilateral Investment Treaty*), переговоры по которому ведутся уже более пяти лет и всё ещё далеки до конечного результата. В последние годы эти переговоры проходят главным образом в форме обмена "негативными списками" сторон. Эти списки включают в себя те зоны и сферы инвестирования, в которые страны пока не готовы вообще допускать сильных внешних конкурентов, либо допускать, серьёзно ограничив их деятельность. Эти "негативные списки" с обеих сторон остаются весьма внушительными.

## Южно-Китайское море как ключевая зона военного противостояния

Претензии Китая на ряд островных территорий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях выдвинулись на переднюю конфликтную линию во взаимоотношениях КНР и США. Китайская сторона постепенно активизировала свою деятельность в регионе приблизительно со второй половины 2013 года. Многие наблюдатели связывают эту активизацию с приходом новой руководящей команды в Пекине и последовавшей за этим ротацией высшего военного командного звена.

В Южно-Китайском море КНР, как известно, претендует на суверенитет островов и надводных формирований (рифов, отмелей). Эти территории Пекин суммарно маркирует так называемой "линией девяти пунктиров". Данная линия обозначает территориальные претензии Китая, которые фактически охватывают до 90% акватории Южно-Китайского моря и накладываются на территориальные воды Филиппин, Вьетнама, Малайзии и Брунея, порой близко (менее 12-мильной территориальной зоны) подходящей к границе этих государств [Big Powers in the South China Sea Issue, 2010, p. 9-11].

Тактику освоения и продвижения Китая на этих территориях часто называют "тактикой сальями", под которой имеется в виду маленькие последовательные, незначительные шажки по расширению зон контроля Пекина, каждый из которых не представляет основания для юридических претензий, но в совокупности ведёт к полному контролю. Начиная с середины 2014 г. средства космической разведки США стали фиксировать работы по искусственному намыву территорий, с целью превращения их в оборудованные пункты передового базирования предположительно для китайских ВВС. Как минимум на одном из рифов близ островов Спратли в Южно-Китайском море к 2016 г. была подготовлена взлётная полоса, способная принимать военные самолёты. В ответ на действия Китая ВМС США неоднократно осуществляли демонстративное прохождение боевых кораблей в зонах, которые Китай считает своими территориальными водами.

В июле 2016 г. ситуация вокруг территориального конфликта в Южно-Китайском море вышла на новый уровень. Постоянный Арбитражный суд Гааги принял решение по иску Филиппин к Китаю, в котором признал все территориальные претензии в Южно-Китайском море незаконными и призвал Китай обеспечить свободу мореплавания в этих акваториях в соответствии с одобренной ООН Конвенцией о свободе мореплавания (*United Nations Convention on the Law of the Sea – UNCLOS*). Несмотря на то что КНР является участником этой Конвенции и решения Арбитражного суда в Гааге имеют для неё юридическую силу, китайское правительство полностью отмежевалось от этого решения суда. "Жэньминь жибао" вскоре после обнародования вердикта вышла со статьёй, озаглавленной "Решение арбитражного суда по Южно-Китайскому морю – фарс, двойные стандарты и профанация международного права". Официальные лица КНР заявили, что цель данного решения суда со-

стоит в том, чтобы "унизить Китай дипломатически", подорвать его имидж, дать легальные основания США для давления на Китай.<sup>2</sup>

Если суммировать американскую позицию по данному вопросу, то декларативно она заключается в следующем. США не принимают сторону ни одного из участников конфликта, но настаивают на мирном разрешении споров на основе международного права при гарантии свободного мореплавания в международных водах. Важный нюанс также состоит в том, что Китай настаивает на уведомительном характере разведывательной деятельности в акваториях своей экономической зоны, а США, основываясь на букве международно-правовых документов, отказываются это делать. Подобного рода разногласия – питательная почва для инцидентов в воздушном пространстве близ КНР. Один из таких инцидентов в апреле 2001 г. закончился гибелью китайского пилота и привёл к серьёзному внешнеполитическому кризису между КНР и США. Многочисленные и менее трагичные инциденты происходят постоянно и служат источником напряжённости в отношениях.

Если говорить не о декларативной, а реальной политической позиции США, то она состоит в косвенной поддержке своих "традиционных" союзников и партнёров – в первую очередь Японии и Филиппин, а также Вьетнама.

Для Японии и Филиппин эта поддержка означает прежде всего подтверждение своих гарантий безопасности, что принимает форму прямой военной поддержки, которую США готовы оказать в случае эскалации военного противостояния с КНР до острого военного конфликта.

Так, на протяжении уже ряда лет США неоднократно подтверждали свою позицию в том, что поскольку острова Сенкаку находятся под управлением Японии, они как территория подпадают под действие статьи 5 Договора о взаимной безопасности между США и Японией. В этой статье, помимо прочего, говорится что "вооружённая атака против любой из сторон (договора. – С.Т.) на территории, находящейся под управлением Японии рассматривается как опасность для собственного мира и спокойствия" вследствие чего стороны обязуются "действовать для отражения общей угрозы в соответствии со своими конституционными правилами и процедурами".

Аналогичные обязательства США имеет и по Договору о взаимной обороне с Филиппинами. Действенность и актуальность этих обязательств США также неоднократно подтверждали.

Помимо этих гарантий, имеющих центральное значение для стран вовлечённых в территориальный конфликт с КНР, США оказывают им и другую существенную поддержку дипломатического и военного характера. В частности, США максимально используют любые международные трибуны и форумы для разъяснения сути своей позиции и решительного протеста против искусственного наращивания территорий островов со стороны КНР.

---

<sup>2</sup> 人民日报 2016 年 07 月 15 日 / Жэньминь жибао 15.07.2016

[http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2016-07/15/nw.D110000renmrb\\_20160715\\_2-03.htm](http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2016-07/15/nw.D110000renmrb_20160715_2-03.htm)



США форсируют военное сотрудничество с Японией, Филиппинами и Вьетнамом, усиливая способности последних к контролю и мониторингу прилегающих к ним морских территорий.

Соединённые Штаты подписали дополнительное военное соглашение с Филиппинами, предполагающее больший доступ ВМС США к использованию военных баз на их территории, расширение масштаба совместных военных учений ВМС США и Филиппин. Были сняты ограничения на поставки определённых видов вооружений во Вьетнам. Достигнута договорённость об осуществлении патрулирования акваторий Южно-Китайского моря американскими самолётами-разведчиками *P-8* с территории Сингапура. США продвигают и поддерживают идею о совместном патрулировании акваторий моря с японскими ВВС. Вашингтон также выдвигает идею совместного морского патрулирования акваторий Южно-Китайского моря многонациональными военно-морскими силами стран АСЕАН.

В последние год-два ситуация вокруг китайских притязаний в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях находится в фокусе китайско-американских консультаций разного уровня. В ходе этих контактов стороны предположительно приходят к определённым договорённостям, будучи взаимно заинтересованными держать ситуацию под контролем. В ходе официального визита в США в сентябре 2015 г. Си Цзиньпин дал обещание, согласно которому Китай будет воздерживаться от милитаризации акватории островов. На текущий момент это обещание, судя по всему, в целом выдерживается. Китайская сторона, в частности, пока отказалась от ранее озвученных планов ввести над акваторией Южно-Китайского моря зону обязательного оповещения для воздушных судов (*Air Defense Identification Zone – ADIZ*).

Новые весьма существенные характеристики в развитие ситуации в Южно-Китайском море привнесла "смена караула" на Филиппинах – одном из значимых участников конфликта в Южно-Китайском море. Избранный в 2016 г. президент Р. Роа Дутерте выступил с рядом заявлений, в которых выражал недовольство отношениями с традиционным союзником Филиппин – Соединёнными Штатами, нелестно критиковал президента Обаму, выражал пожелание изменить внешнеполитическую ориентацию в сторону Китая и России. Несмотря на противоречивость многих внутри- и внешнеполитических высказываний Р. Роа Дутерте, в филиппинском подходе к ситуации вокруг Южно-Китайского моря возможны изменения. Они вполне могут внести новые элементы в расклад сил между КНР и США по поводу территориальных конфликтов в Южно-Китайском море.

## **Проблема Тайваня**

Тайваньская проблема имеет вероятность вновь выйти на одно из центральных мест в будущей повестке дня американо-китайских отношений. Изначально это было больше связано с победой на президентских выборах 2016 г. Цай Инвэнь, кандидата от Демократической прогрессивной партии, которая в отличие от ранее правящей – Гоминьдан, ориентируется на большую степень независимости Китайской Республики от КНР. Однако ещё большую остроту и

неопределённость этой теме придали "размашистые" высказывания и действия Д. Трампа практически сразу после избрания в ноябре 2016 года. Суть этих высказываний – его сомнения в целесообразности принципа "одного Китая", являющегося одним из столпов политического урегулирования США и КНР ещё со времён Никсона.

Как известно президентский пост на Тайване в 2008–2016 году занимал Ма Инцзю, при администрации которого были сделаны ощутимые шаги на сближение с материком, прежде всего в экономической области. Качественно возрос объём двусторонней торговли и прямых инвестиций на материк. Президент, будучи представителем Гоминьдана, твёрдо придерживался принципа "одного Китая" – положения, имеющего первостепенное значение для этой партии.

С возвращением к власти оппозиционной ДПП, тема "независимости" или по крайней мере большей самостоятельности и эвентуального отделения Тайваня либо в статусе "второго" Китая, либо в статусе "Тайваня" возникает вновь. Сообразно этому она в большей степени будет тревожить и американских партнёров Тайбея.

Новый президент Цай Инвэнь до и после выборов высказывалась на "взрывоопасную" тему независимости чрезвычайно деликатно, тонко маневрируя перед крайне чувствительным к этой проблеме электоратом. С одной стороны Цай Инвэнь не озвучивала конкретных планов на отделение, понимая политическую суицидальность подобного обнародования. С другой стороны, и до, и после выборов она не солидаризировалась с так называемым "консенсусом 1992 года" – обязательствами, зафиксированными КНР и Китайской Республикой в 1992 году, согласно которым обе стороны конфликта признают, что существует только "один Китай", но при этом каждая из них оставляет за собой право считать себя легитимным носителем суверенитета этого Китая.

Тем не менее, Пекин прямо и косвенно даёт Тайбею понять, что любое принципиальное отклонение нового руководства Китайской Республики от ранее достигнутых договорённостей чревато ужесточением позиции КНР: ограничением доступа тайваньского бизнеса к рынку на материке, нажимом на представительства Тайваня в международных экономических организациях. Возможен прессинг и на внешнеполитических партнёров Китайской Республики, которых у неё и так немного.

Американо-тайваньские связи в настоящий момент регулируются законом "Об отношениях с Тайванем" (*Taiwan Relations Act*), принятым Конгрессом США в 1979 г. после того как Вашингтон прервал официальные дипломатические отношения с Тайванем и прекратил действие Договора безопасности. Закон не содержит юридически обязывающих статей об оказании военной помощи в случае агрессии с материка, но де-факто такая помощь США предусматривается, хотя и под ореолом "стратегической неопределённости". Один из главных мотивов для таких решительных намерений США – опасение, что полный отказ от прежних договорённостей подорвёт веру в надёжность американских гарантий в глазах союзников США в Азии, да и во всём мире. До тех пор пока Китай не обладал достаточным военным потенциалом, чтобы представлять серьёзную военную угрозу Тайваню, стратегические гарантии

США никто особенно не ставил под сомнение. Однако в 1990-е годы ситуация сильно изменилась. С тревогой наблюдая за проходящими на Тайване процессами демократизации и набирающей популярность идеей независимости от материка, КНР существенно нарастила свой военный потенциал. В прилегающих к Тайваньскому проливу территориях провинции Фуцзянь были размещены ракеты, создающие реальную угрозу острову. Цель этого наращивания заключалась в том, чтобы повысить барьер риска для любого тайваньского лидера, который отважится на объявление независимости. Кроме того размещением ракет Пекин предполагал сильно демотивировать США, их решимость выступить на защиту острова. В марте 2005 г. ВСНП принял закон "О противодействии расколу страны", который легитимизировал право КНР на применение силы в случае провозглашения независимости острова. Закон был однозначно расценен в Тайбее и в Вашингтоне как последнее предупреждение.

Стратегия Вашингтона в тайваньском вопросе в настоящее время по сути заключается в сдерживании обеих сторон – Пекина и Тайбея. В отношении Пекина это сдерживание ставит целью не допустить атаки Пекина на остров. Касательно Тайбея линия США заключается в сдерживании его от шагов, которые провоцировали бы материк на военную эскалацию. При этом США дают чёткие гарантии Тайбею, что его не оставят в беде ради хороших отношений с Пекином.

Можно предположить, что в контексте данного военно-стратегического расклада перед новой администрацией США просматриваются две принципиальные проблемы. Первая – это выбор оптимальной стратегии в военном строительстве Тайваня с участием США в качестве главного поставщика технологий и вооружений. Ранее принятая стратегия Тайбея, ставящая целью достижение морского и воздушного паритета с Пекином при возможной операции в Тайваньском проливе уже неактуальна, имея в виду сильно возросший потенциал Пекина в этой области. Соответственно становятся нецелесообразными и закупки в США современных истребителей, дизельных подводных лодок, танков. В настоящих условиях более разумным военным сценарием американские аналитики считают тот, при котором в случае нападения с материка Тайбей смог бы "продержаться" какое-то время до момента, когда армия США придёт на помощь. Этот сценарий разворачивает военную стратегию и военные поставки на Тайвань к необходимости больше ориентироваться на инновационные, асимметричные методы обороны, а не на традиционные, используемые ранее [Bush R.C., 2016].

Другая проблема для США – можно ли считать военный сценарий захвата острова единственным и наиболее эффективным с точки зрения обеспечения контроля над ним со стороны КНР. Возможно более эффективной стратегией со стороны КНР будет избран не чисто военный захват, а тактика постепенного "удушения" – массированного экономического, дипломатического, военного и политического давления на мятежную провинцию. Также возможный сценарий – изоляция от союзников, вытеснение с рынков и т.п. Если Пекином будет принята такая линия поведения, она соответственно потребует от США поддержки Тайваня именно в этих отмеченных, потенциально уязвимых для него направлениях.

## **КНР и США в вопросах урегулирования на Корейском полуострове**

Взаимодействие ключевых игроков по данной проблеме осложнялось активизацией и ростом неопределённости действий Пхеньяна. Такая непредсказуемость, спонтанность, порой алогичность внешнеполитического поведения КНДР диктовалась рядом негативных факторов, из которых ныне состоит северо-корейский "контекст". В ряду этих факторов – острота общеэкономической ситуации, нехватка продовольствия, тупик хозяйственной модели КНДР, серьёзное реформирование которой вряд ли возможно в условиях нынешнего политического режима. Нестабильность, реальный риск дворцового переворота, массовых выступлений, вынуждает режим искать инструменты своего выживания почти исключительно в нагнетании военной истерии, жёстких внутренних чистках, активном форсировании темы "осаждённой крепости" и преувеличенной угрозы с Юга, поддерживаемого США.

Политико-силовые круги в США, весьма озабоченные поведением "иррационального Пхеньяна", часто используют эту озабоченность для косвенного нажима на Пекин. Линия Вашингтона в корейском урегулировании, наряду с конфликтами в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, имеет принципиальное значение для союзников США в Азии. Она показательна в первую очередь для демонстрации "кредитоспособности" и "надёжности" США в выполнении своих военно-политических обязательств. Именно это понимание во многом и мотивировало "ребалансирование" США в АТР, проводившееся администрацией Обамы с 2011 года.

Собственно военные меры "ребалансирования" США в АТР не были ошеломляюще внушительными. Главными из них стали акцент на АТР в дислокации авианосных групп, надводного и подводного состава ВМС США; размещение базы морской пехоты США в Австралии (Дарвин); восстановление и расширение сотрудничества со старыми и новыми военными партнёрами США в регионе. К числу первых следует прежде всего отнести Японию, Республику Корея, Сингапур, Филиппины, к числу вторых – Вьетнам. Собственно военные меры были сильно урезаны в условиях секвестирования военного бюджета США, поставившего на "паузу" а то и вообще пустившего "под нож" ряд программ перевооружения, прежде всего ВМС и ВВС США. Так критики недостаточного и несоразмерного строительства ВМС США при Б. Обаме указывали, что в результате действия объективных финансовых ограничений и "пацифистских" настроений президента, американский флот к 2016 г. насчитывал суммарно 274 боевые единицы – наименьший численный состав ВМС со времён Первой мировой войны. Для сравнения, программы развития китайских ВМС к 2030 г. ориентированы суммарно на 415 боевых единиц флота, включая порядка 100 подводных лодок [Grey A., Navarro P., 2016].

Совокупность этих материальных и политических ограничителей обусловила линию поведения Б. Обамы в отношениях с Северной Кореей, которая в экспертных кругах была охарактеризована как линия "стратегического терпения". Эта стратегия подразумевала, во-первых, стремление к безъядерному

статусу Корейского полуострова (в чём заключалось основное содержание "шестисторонних переговоров" ранее); во-вторых, тесную координацию военных и политических действий с главными партнёрами США в Азии – Японией и Южной Кореей; в-третьих, активное взаимодействие с Пекином в целях оказания максимального сдерживающего воздействия на КНДР; в-четвёртых, перманентное давление на Пхеньян совокупностью военных мер и гибко применяемых экономических санкций; в-пятых, стремление сохранить каналы диалога с КНДР, в том числе посредством оказания адресной и сильно ориентированной на пиар материальной помощи (продовольствие и энергоресурсы).

Китайские возможности влиять на Пхеньян за годы администраций Обамы имели явную тенденцию к уменьшению, которое Пекин стремился компенсировать за счёт наращивания экономических и политических связей с Сеулом, что, естественно, вызывало сильное раздражение северокорейской стороны.

Главным обстоятельством, которое усугубляло обстановку на полуострове и стимулировало активное маневрирование США и КНР, были участвовавшие испытания ядерных боезарядов и ракетных средств доставки со стороны КНДР. Начиная с 2006 г. КНДР провела как минимум четыре испытания ядерных боезарядов (2006, 2009, 2013, 2016 гг.) и целую серию испытаний баллистических ракет разного класса.

По данным Министерства обороны США на 2015 г. на вооружении КНДР находилось около "нескольких сот" ракет малой и средней дальности, способных поражать цели в Южной Корее и Японии, (включая базы США в этих странах) и, по разным оценкам, порядка 100 пусковых установок таких ракет. Тем не менее, в техническом отношении корейские ракеты весьма несовершенны, их характеристики наведения крайне слабы, они малоэффективны как с ядерной так и обычной боеголовкой<sup>3</sup>.

КНДР в последние годы добилась определённого прогресса в создании более надёжных ракет дальнего действия. В 2012 г. после серии неудач, Пхеньян осуществил успешный запуск спутника в космос. Считается, что КНДР испытывает технологические трудности в деле миниатюризации ядерных боезарядов, в чём заключается одна из основных проблем создания ядерного оружия большой дальности. КНДР также осуществляет работу над пусками морских баллистических ракет из подводного положения, но факты, подтверждающие успешные пуски такого рода, у наблюдателей отсутствуют<sup>4</sup>.

Одной из новых "болевых точек" переговоров, затрагивающих интересы практически всех заинтересованных сторон на Корейском полуострове, стали планы размещения на территории РК элементов противоракетного комплекса дальнего перехвата *ТНААД*. Эти планы разрабатываются Вашингтоном и Сеулом в координации с Токио для купирования нарастающих ракетно-ядерных угроз КНДР.

---

<sup>3</sup> Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the Democratic People's Republic of Korea, Department of Defense. 2015, p. 13. Available at:

<sup>4</sup> Ballistic Missile Defense in the Asia-Pacific Region: Cooperation and Opposition. Congressional Research Service R43116, p.5-6. Available at: [www.fas.org/sgp/crs/nuke/R43116.pdf](http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/R43116.pdf) (accessed 22.09.2016).

Камень преткновения в этих переговорах – позиция Китая, который рассматривает планы *THAAD*, как угрожающие интересам собственной безопасности. В военных кругах КНР небезосновательно полагают, что радары слежения *THAAD*, расположенные на территории РК, существенно усилят возможности электронной разведки США относительно Китая. Это способно нивелировать, или даже свести к нулю китайский потенциал ядерного сдерживания США. Возможности Пекина, как известно, основываются на ограниченном ядерном потенциале КНР, ориентирующемся на ответный удар по США в случае ядерной атаки по их территории.

Американская сторона отвергает подобную аргументацию Китая. Министерство обороны США в этой связи отмечает, что если радары будут ориентированы на разведку на территории КНР, это снизит их способности по отслеживанию пусков с северокорейской территории. Именно на решении этой основной задачи и сфокусирован весь замысел планируемой системы ПРО.

Возражения Китая негативно воспринимаются и руководством РК. Позиция КНР, по мнению Сеула, ставит под удар успехи последних лет в развитии китайско-южнокорейского торгового и инвестиционного сотрудничества. Так представитель министерства обороны РК, имея в виду подобные возражения китайской стороны, отметил, что "соседняя страна имеет право на собственное мнение по поводу размещения американских систем безопасности на корейской территории. Однако давление на нас в вопросах нашей стратегии безопасности недопустимо"<sup>5</sup>.

С другой стороны, нельзя сказать, что руководство Южной Кореи однозначно и безоговорочно поддерживает все предлагаемые американцами условия размещения систем *THAAD* на своей территории. Понятно, что для США, в первую очередь для военно-промышленного бизнеса этой страны, данная программа – источник перспективных военных заказов. Однако Сеул беспокоят два момента. Во-первых, потенциальная стоимость всей системы противоракетного щита против КНДР, которая может оказаться несоразмерно высокой и не соответствующей её эффективности. Во-вторых, Сеул не хотел бы преждевременно втягиваться в более масштабные планы США по многосторонней системе противоракетной обороны с участием Японии, Австралии, Тайваня. Последний сценарий Сеул трактует как "не до конца назревшую и пока неоправданную меру". Участие Сеула в этих далеко идущих планах могло закрепить за ним место в антикитайской системе безопасности под эгидой США.

Такое развитие событий противоречило бы обширным интересам взаимовыгодного сотрудничества по линии Сеул – Пекин и стойкой заинтересованности южнокорейского бизнеса в китайском рынке.

## **Фактор России в китайско-американских отношениях**

Трёхсторонние взаимоотношения с Россией всегда были необычайно важной и крайне чувствительной темой для всех трёх столиц. Начиная со смены руководящей команды в Пекине в 2012 г. в этих отношениях наступила новая

---

<sup>5</sup> Song Sang-ho. Seoul Fires Back at China's Opposition to THAAD // Korea Herald, 17.03.2015.

фаза. Она была связана с личностью нового лидера КПК, который имел персональную точку зрения, на многие ключевые вопросы современной истории международных отношений, отношения с Россией и США. Одним из ключевых моментов его воззрений была характеристика распада Советского Союза как крупнейшей политической катастрофы, которая во многом была созвучна оценке В.В. Путина ("крупнейшая геополитическая трагедия XX века"). Известно высказывание Си Цзиньпина, сделанное им в закрытом порядке, но неслучайно "выведенное" наружу, относительно того, что во время путча в Москве в 1991 г. и последующего роспуска КПСС "ни один коммунист" с оружием в руках не вышел на защиту своей партии и идеалов. В силу актуализации в КПК темы "выживаемости" партии в иных социально-экономических реалиях, переформатировании, реформировании КПК, при сохранении её роли в качестве несущей конструкции политической системы КНР, Си Цзиньпин инициировал серьёзный мозговой штурм ведущими аналитиками КНР темы причин, условий и альтернативных вариантов падения коммунистического режима в СССР, что было актуально для текущих внутрикитайских условий.

Со своей стороны руководство РФ к этому времени эволюционировало в сторону серьёзного пересмотра своих отношений с Западом. Этот пересмотр, с одной стороны, стал следствием достаточно односторонней, негибкой линии США и стран НАТО, направленной на "организационное" и геополитическое закрепление победы в "холодной войне", выразившееся в первую очередь в расширении НАТО, одностороннем выходе США из договоров по ПРО, отделении Косово, активизации в зоне СНГ (Украина, Грузия, Центральная Азия). С другой стороны, этот пересмотр был продиктован внутренней динамикой самой России, ростом поляризации и социальной дифференциации в посткоммунистической России, ростом протестного и оппозиционного движения в стране по итогам думских и президентских выборов 2011–2012 гг. В российском руководстве стали разделять оценки и выводы относительно угрозы "цветных революций", опасности Запада для своего контроля над страной. Эти оценки стали особенно поддерживаться Кремлём после серии революций – так называемой "арабской весны" – на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В марте 2013 г. Си Цзиньпин совершил свой первый иностранный визит именно в Москву – весьма успешный по результативности, что в США восприняли как знаковое и настораживающее событие. Вслед за этим динамика российско-китайских отношений явно пошла по нарастающей (существенный рост товарооборота, масштабный газовый контракт стоимостью до 400 млрд. долл., переговоры по которому долгое время были безрезультатными, активизация военных связей, совместные военные манёвры, рост взаимодействия по линии ШОС и БРИКС).

События на Украине, присоединение Крыма и недвусмысленная поддержка Кремлём сепаратистских образований ДНР и ЛНР привели к системному кризису отношений России с США и войне санкций. Стремясь компенсировать изоляцию России от энергетических рынков и финансовых доноров на Западе, Москва активизировала дипломатию на восточном направлении, во многом снизив переговорную планку с КНР по ряду ключевых для себя пунктов (цены на энергоносители, финансовые условия энергопроводящих контрактов в

КНР, допуск компаний КНР к месторождениям РФ, продажа долей российских добывающих компаний). В 2013 г. КНР выступила с масштабной инициативой "Экономического пояса Шёлкового пути" (ЭППП), предполагающей подключение к нему России. Параметры и условия интеграции этой инициативы с российским экономическим проектом ЕАЭС остаются не до конца ясными, проблематичными. Многие критики этого проекта отмечают, что подключение России к проекту ЭППП во многом закрепляет экономическое взаимодействие с КНР в статусе младшего, нецентрового партнёра. В экономическом взаимодействии с КНР явно обозначилось доминирование ресурсно-сырьевого и транспортного факторов, не самые перспективных с точки зрения макроэкономических интересов РФ.

"Поворот России на Восток" был воспринят в Америке с настороженностью, но без излишнего драматизма. В США рассматривают этот поворот как вынужденный, но скорее негативный фактор с точки зрения результативности российской внешней политики. Американцы отдают себе полный отчёт в пределах российско-китайского сближения и считают, что оно не приведёт к тесному и идеологизированному военно-политическому союзу.

Такой союз невозможен и деструктивен для интересов обеих сторон. С точки зрения своих макроэкономических интересов, имеющейся, хотя и трансформируемой экономической модели, Китай не может позволить себе конфронтацию с Западом, уход с американского и западноевропейских рынков, отказ от подпитки передовыми западными технологиями, закрытие для себя перспективных инвестиционных "полей" на Западе. Совместное с Россией противодействие американскому диктату, стремление перестроить мировой политико-экономический порядок на более гармоничных для себя условиях не носит характера полного отрицания мирового статус-кво со стороны КНР. Несмотря на серьёзные военно-политические противоречия с США, Пекин в рамках существующих и выбранных Китаем ниш и моделей развития не может поставить под удар линию на экономическую взаимозависимость с США и глобализацию.

В своей оценке украинских событий и присоединения Крыма Китай по сути воздержался от поддержки действий России, заняв позицию "дружественного" нейтралитета. После событий на Украине официальный представитель МИД КНР недвусмысленно заявил о том, что независимость, суверенитет и территориальная целостность Украины должны быть неукоснительно соблюдены [Fu Ying, 2016].

В экспертных анализах, проводимых в США, исследователи подчёркивают, что несмотря на сближение, обусловленное очевидными и достаточно мощными внешнеполитическими, геополитическими, геоэкономическими мотивами, Россия и Китай имеют ряд "настороженностей" по поводу друг к друга, препятствующих тесному военно-политическому союзу. Если говорить о китайской стороне, то Пекин прежде всего, рассматривает Россию как "захватчика" существенной доли китайских территорий (указывается площадь до 600 тыс. кв. км), отторгнутых у Китая царской Россией по неравноправным дого-



ворам в конце XIX в., что мешает Китаю рассматривать Россию как равноправного союзника<sup>6</sup>.

В качестве ещё одного фактора напряжённости рассматривается цивилизационная "европоцентричность" России с точки зрения интересов её политики и геоэкономики. Это тоже мешает китайцам смотреть на Россию как на надёжного и равноправного союзника.

Если говорить о российских "настороженностях", то они также существуют и по мнению опытных американских наблюдателей даже глубже и основательнее, чем китайские<sup>7</sup>.

В России, по мнению американцев, сохраняются достаточно сильные опасения относительно "китайской угрозы", "жёлтой опасности", уходящие вглубь российской истории и относящиеся к периоду татаро-монгольского нашествия. Эти настроения особенно сильны в дальневосточной части РФ.

Русские, считают в США, также испытывают опасения от неравномерности экономического развития, понимая, что в настоящих условиях, Китай как динамично развивающийся партнёр имеет основания диктовать России "правила игры", ставя её при этом в неблагоприятные условия.

Москва глубоко обеспокоена активностью и серьёзными экономическими ресурсами КНР на постсоветском пространстве, которое Пекин рассматривает как зону своего традиционного влияния и интересов. Особенно тревожат Москву активная финансовая, инвестиционная и торговая экспансия КНР в Центральной Азии. В условиях проекта ЭППП Китай имеет возможность использовать транспортные траектории Центральной Азии в Европу, оставляя Россию как бы на задворках.

События на Украине, по мнению американских наблюдателей, стали новым и весьма существенным фактором напряжения между КНР и Россией. Во-первых, китайская сторона, видит в украинских событиях, переходе Крыма в состав РФ проекцию собственных страхов сепаратизма. Именно поэтому позиция Китая по крымскому вопросу не совпадала с российской в принципиальном моменте: Китай не поддержал нарушение территориальной целостности Украины. По свидетельству одного из американских наблюдателей, влиятельный китайский эксперт, обсуждая с российскими и другими иностранными коллегами украинскую ситуацию, заявил своим "российским собеседникам": "Ваши действия в Украине имеют прямое касательство к ситуации в Восточной Азии"<sup>8</sup>.

При всех сближающих моментах в российско-китайских отношениях, в условиях трудностей и напряжений в отношениях России с Западом китайская

---

<sup>6</sup> 1964 年中苏第一轮边界谈判的历程及基本经验 (Первый раунд переговоров между СССР и КНР по пограничным вопросам 1964 г.) Available at: [http://www.hprc.org.cn/gsyj/wjs/dwgx/201507/t20150701\\_334861.html](http://www.hprc.org.cn/gsyj/wjs/dwgx/201507/t20150701_334861.html) (accessed 22.09.2016).

<sup>7</sup> Is the United States Loosing China to Russia? Event Transcript. The Brookings Institution. Was., 26.07.2016. Available at: <https://www.brookings.edu/events/is-the-united-states-losing-china-to-russia/> (accessed 22.09.2016).

<sup>8</sup> Is the United States Loosing China to Russia? Event Transcript. The Brookings Institution. Was., 26.07.2016. Available at: <https://www.brookings.edu/events/is-the-united-states-losing-china-to-russia/> (accessed 22.09.2016).

сторона весьма прагматично и недвусмысленно отстаивает собственные приоритеты.

Так, на фоне западных антироссийских санкций, перекрывших российской банковской сфере доступ к кредитам в США и Евросоюзе, китайские банки весьма неохотно предоставляют свои ресурсы российской стороне, опасаясь ограничительных мер в свой адрес со стороны банков западных.

Подытоживая данный сюжет, необходимо констатировать, что в США в целом в текущей внешнеполитической ситуации рассматривают связку Китая и России без алармизма и пессимизма. В США достаточно реалистично оценивают пределы и ограничения российского поворота на Восток, считая его последствия не столь деструктивными для своих интересов.

## **Заключение**

В настоящее время связи Китая и США находятся на деликатной, чувствительной фазе своего развития. Китай приближается к США по объёму экономики, достигает паритета по многим параметрам "жёсткой и мягкой силы", при этом во многом перестраивая свою модель развития. Последнее отчасти предопределяет замедление роста КНР по сравнению с прежними, крайне высокими темпами, но, в целом, по мировым меркам темпы роста сохраняются на достаточно высоком уровне. Страна ставит задачу ухода от экспортоориентированной парадигмы развития, формирования полноформатного среднего класса со всем комплексом социальных и политических гарантий, задачи ускоренной урбанизации и догоняющей индустриализации, перестройки политической системы. В США продвижение в развитии связано прежде всего с решением проблемы госдолга, финансовых и внешнеторговых дефицитов, несбалансированного потребления, проблемы занятости, нахождения социально устойчивого баланса между "реальной" и "новой" экономикой, с преодолением внутренних напряжений в процессе глобализации и транснационализации производства.

Весь круг этих масштабных задач в обеих странах вызывает осязаемое системное напряжение, показателем которого служит реальная внутриэлитная борьба. Её результаты опосредованно затрагивают и сферу внешней политики. В Китае это проявляется в острой кампании чистки государственного и партийного аппарата, в ходе которой борьба с коррупцией – только часть проблемы, а иногда только прикрытие. В США результаты внутрисоциального и внутриэлитного раскола в президентской кампании 2016 г. ещё предстоит оценить. Содержание и внутреннего и внешнеполитического курса нового президента США пока трудно предсказать.

Представляется, что по крайней мере в трёх из рассмотренных выше конфликтных проблем между КНР и США – обстановка в Южно-Китайском море, ситуация вокруг Тайваня и положение на Корейском полуострове – возможна эскалация двусторонней напряжённости. При неблагоприятных внешних "раздражителях", неадекватной коммуникации столкновение интересов КНР и США в этих проблемных зонах способно привести к развитию неблагоприятных сценариев. Эскалация этих сценариев до уровня горячей конфликт-

ности, в определяющей степени будет зависеть от того, в какой степени "горячая" антикитайская риторика Д. Трампа на этапе предвыборной кампании будет материализована либо снивелирована новым президентом США.

## Список литературы

Труш С.М., 2013. *Выборные циклы в США и Китае: следствия для двусторонних отношений* // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. № 3, с. 28-31.

## References

Trush S.M., 2013. *Vybornye tsykly v SShA i Kitaye: sledstviya dlya dvustoronnikh otnosheniy*. [Trough S.M., 2013. *Election Cycles in the U.S. and China: Implications to the Bilateral Relations* // USA ❖ Canada: economics, politics, culture. No. 3, p. 28-31].

Grey A., Navarro P., 2016. *Donald Trump's Peace Through Strength Vision for the Asia-Pacific*. Foreign Policy, 7.11.2016. Available at:

<http://foreignpolicy.com/2016/11/07/donald-trumps-peace-through-strength-vision-for-the-asia-pacific/> (accessed 22.09.2016).

Cunningham F.S. and Fravel M.T. *Assuring Assured Retaliation. China's Nuclear Posture and U.S.-China Strategic Stability*. International Security 40, No 2 (October 2015), p. 7-9. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/3870/e55588d6d29a57786eb2d9d2dd85d63181bd.pdf> (accessed 22.09.2016).

Fu Ying. *How China Sees Russia. An insider view of the Chinese – Russian Relations, Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies*. Foreign Affairs, January/February 2016, p. 96-106.

Bush R.C. *U.S. Policy Toward Taiwan*. Wash., 2016. The Brookings Institution. Available at: [https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/08/ceap\\_20160803\\_us\\_policy\\_toward\\_taiwan.pdf](https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/08/ceap_20160803_us_policy_toward_taiwan.pdf) (accessed 22.09.2016).

后危机世界与中美战略竞逐 (Strategic Readjustment of US – China Relations in the Post-Crisis World) 北京, 时事出版社, 2011. 390 页

南海问题中的大国因素 (Big Powers in the South China Sea Issue. Chinese Edition. 北京, 世界知识出版社, 2010.

## USA – China Relations at the Milestone Between Obama and Trump: Political and Military-Political Dimension

USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 3, p. 48-67).

Received: 27.11.2016.

TRUSH Sergey Mikhailovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khleby per., Moscow 121069, Russian Federation (zebra758@gmail.com)

*The U.S. policy towards China, as it was propagated during the election campaign of D. Trump, could be seriously detrimental to bilateral ties and U.S. economy. U.S. – China relations on the Taiwan issue could be strained due to the dynamics of all three "actors" (Washington, Beijing and Taipei) but most probably due to the steps of the new U.S. administration. Russia's tilt to China after the Ukraine crisis is not viewed in the U.S. as a serious negative impact to U.S. global policy.*

**Keywords:** *evolution of U.S. – China relations; Russia's tilt to the East; the Taiwan issue; South China Sea; normalization on the Korean Peninsula.*

About the author

TRUSH Sergey Mikhailovich, Candidate of Sciences (History), leading analyst, ISKRAN.